ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА: ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

УДК 159.923

П.Б. УВАРОВ

Статья М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова «Векордизм, или мироощущение как способ защиты («Социум и власть», 2011, № 4) поднимает ряд сложных философских и культурологических проблем. Не вступая в прямую полемику с авторами, изложим наш взгляд на обозначенную социокультурную ситуацию исходя из анализа специфики поведения человека в современной культуре.

Поведение – это прежде всего мировидение, овеществленное в действии, т. е. приобретшее пространственно-динамическое измерение. В данном агрегатном состоянии оно наполняет реальность «единицами действия» (в среднем около 20 000 на человека в день [3, с. 120], которые форматируют ее принципиальные параметры, легитимизируя их в режиме непрерывного социального референдума, то есть, по существу, само пространство «исторического».

Исходя из коммуникативной теории исторического процесса [12; 13], для современных обществ характерен тип поведения, который может быть назван *ситуативным*. Данный тип поведения основывается на обслуживании интересов конкретной, самоутверждающейся личности, при этом главным критерием оказывается его результативность, достижительность. В условиях мировоззренческой неопределенности личностно эффективное поведение логически строится на постоянном учете реальной конъюнктуры пространства действия, на поведенческой мимикрии, а также на предельной эмансипации от априорных норм, ценностей, табу, снижающих операционную пластичность и социальную валентность.

Генетическим основанием формирования ситуативного типа поведения (далее – СТП) оказывается постепенная деформация религиоцентристского «образа истинности», с его теоцентризмом, служением Абсолюту в форме богоприближения как смыслу существования и императивным типом поведения. Новый, безрелигиозный «образ истинности» базировался на антропоцентризме как эгоцентризме, служению себе в форме автономизации собственной личности, что в приложении к реальности генерирует новый *тип поведения* со следующими присущими ему особенностями:

1. Индивидуализм. Индивидуалистический характер поведения связан с кризисом историко-культурной ориентации человека/общества из-за утраты внешней, надличностной точки отсчета и вытекающей из нее системы координат ввиду отказа от религиоцентризма как определенностного коммуникативного формата. Пришедший ему на смену безрелигиозный (неопределенностный) коммуникативный формат связан с представлением о принципиальной невозможности общей системы координат. Один из классиков либеральной мысли Ф. А. фон Хайек сформулировал это следующим образом: «Мы не исходим из того, что человек по природе эгоистичен и себялюбив или должен стать таковым, что нам часто приписывают. Наше рассуждение отталкивается от того, что способности человеческого воображения, бесспорно, ограничены, что поэтому любая частная шкала ценностей является малой частицей во множестве всех потребностей общества и что, поскольку, грубо говоря, сама по себе шкала ценностей может существовать только в индивидуальном сознании, постольку она является ограниченной и неполной. <…> Индивидам следует позволить в определенных пределах следовать скорее своим собственным склонностям и предпочтениям, нежели чьим-то еще, и что в этих пределах склонности индивида должны иметь определяющий вес и не подлежать чьему-либо суду. Именно это признание индивида верховным судьей его собственных намерений и убеждений, признание, что постольку, поскольку это возможно, деятельность индивида должна определяться его склонностями и составляет существо индивидуалистической позиции» [14, с. 50–51].

Исходя из логики данного рассуждения, современный человек просто обречён оставаться «верховным судьей своих собственных намерений и убеждений», находясь в заточении в одиночной камере собственной личности.

2. Конфликтность. Конфронтационный, агональный характер СТП базируется

на достаточно очевидном умозаключении, приобретающем признаки историко-социального закона – индивидуалистическая активность вне абсолютной системы координат контрадиктивна.

Вытекающий из приведенного утверждения принцип «bellum omnia contra omnes» задает новый вынужденный коммуникативный стиль, подмеченный еще Т. Гоббсом и объективно противостоящий солидаризму религиоцентристского общества: «И хотя полезные блага повседневной жизни могут возрастать благодаря людской взаимопомощи, но поскольку этих благ достигнуть легче, господствуя над другими, а не в союзе с ними, то ни у кого не должно оставаться сомнений, что люди по природе своей, если исключить страх, жаждут скорее господства, чем сообщества. Следовательно, необходимо признать, что все крупные и прочные людские сообщества берут свое начало не во взаимной доброжелательности, а во взаимном страхе людей. Причина взаимного страха заключается как в природном равенстве людей, так и во взаимном желании причинить вред друг другу. <…> равны те, кто располагает равными возможностями друг против друга» [4, с. 286–287].

Неизбежность конфликта действующих вне общей системы координат эгоцентриков идеология и идеологизированная наука, начиная с XIX века, стремилась опровергнуть с помощью концепции «невидимой руки». Современный французский философ и политолог К. Руссо с иронией пишет на эту тему следующее: «Она – символ внезапной встречи (которая всех бы устроила, если б была возможной) эгоизмов, которые, не отрекаясь от самих себя, автоматически производят «общее благо» <…> Каждый делает то, что ему нравится, что ему придет в голову. Никто больше не стесняется! И в результате вовсе не наступает хаос – как тешат свое воображение мрачно настроенные люди – напротив, тут же получается милая гармония всего целого! Кто не почувствует сообщничества этого мифа с нашими тайными инстинктами?» [9, с. 32]. Но даже оппортунистический потенциал концепции «невидимой руки» не может отменить закона производства социальной конфликтности.

3. Редукция. Упрощение, сведение сложного к простому как поведенческая особенность логически вытекает из процессов примитивизации мировидения до одного из возможных предельных допущений о реальности, доступных человеку/обществу – безрелигиозного. Эксклюзивизм безрелигиозного коммуникативного формата неизбежно воспроизводит редукционистское отношение к действительности. Данная ситуация была усугублена соответствующими ей процессами социально-психологической адаптации, которые можно назвать «травестийными». Обвальная объективная де-традиционализация новоевропейского общества сопровождалась последовательной сменой отношения к тому, чего уже нельзя было изменить. Атомизация социума, согласно травестийной стилистике, превращается в открытие «личности», «личностного начала». Разрушение культурных регуляторов поведения превращается в провозглашение культов Права, а монетизация человеческого существования – в новый знак богоизбранности в протестантизме (в приложении к новоевропейской модернизации и используя современные ресурсы выразительности русского языка, такого рода травестия должна переводиться как «переобувание»). Скрытая за «травестийными» симулякрами поведенческая стилистика все более настраивается материально-физиологическими мотивациями, актуализирующими тип личности «мимикранта».

4. Имморализм. Поведенческая мимикрия, направленная, прежде всего, на сенсорную, материально-физиологическую реальность, неизбежно сегрегирует мораль как регулятора человеческой активности. Кроме того, необходимо иметь в виду, что ситуативность новоевропейского человека была интенсифицирована аннигиляцией универсального смысла существования, распавшегося на множество локальных частных «смыслов» и спровоцировавшего выброс огромной кинетической энергии, соответствовавшей энергии панических персональных спасений в условиях тотальной неопределенности Бытия. Иллюстрацией катастрофических переживаний бессмысленности существования человека Модерна являются слова историка науки из Корнеллского университета У. Провайн: «Для человеческого общества не существует ни нравственных или этических законов, ни абсолютных принципов. Мы безразличны для Вселенной, и у нас нет конечного смысла в жизни» [1, p. 10]. Именно отсутствие универсального смысла, поддерживающего «этические законы» и «абсолютные

принципы», заставляет отказываться от них как от балласта, осложняющего оперативную мобильность «личности». С этой точки зрения эпохальность и величие макиавеллиевского «Государя» заключались в том, что он оказался блестящей по форме и содержанию экстраполяцией поведенческого компонента новоевропейского «образа истинности» в пространство реальной повседневной человеческой активности. «Государь» представляет собой универсальное руководство по ситуативному поведению для человека нового времени, т. к. при деформации традиционного «образа истинности» основные параметры поведения полностью совпадают у герцога и простолюдина, за исключением только масштаба возможностей. Макиавелли, в принципе, поведенчески «освобождает» и того, и другого. Ситуативность поведения провозглашается им в качестве залога его эффективности, именно она оказывается истинной ценностью, согласующейся с «настоящей правдой вещей»: «...Князю, желающему удержаться, необходимо научиться умению быть недоброжелательным и пользоваться или не пользоваться этим, смотря по необходимости... Ведь если вникнуть как следует во все, то найдется нечто, что кажется добродетелью, но верность ей была бы гибелью князя; найдется другое, что кажется пороком, но, следуя ему, князь обеспечивает себе безопасность и благополучие... Кто искуснее других умел действовать по-лисьему, тому и приходилось лучше. Однако необходимо уметь хорошо скрыть в себе это лисье существо и быть великим притворщиком и лицемером: ведь люди так просты и так подчиняются необходимости данной минуты, что, кто обманывает, всегда найдет такого, который даст себя обойти» [7, с. 79, 84]. Известный мыслитель и финансист Дж. Сорос откровенно указывает, насколько имморализм становится неотъемлемой чертой СТП: «Поведение, направленное на максимизацию прибыли, диктуется соображениями выгоды и пренебрегает требованиями морали. Финансовые рынки не являются ни моральными, ни аморальными; соображения морали им просто чужды. В отличие от этого, невозможно принимать правильные коллективные решения, если отсутствует четкое понимание различия между добром и злом. Мы не знаем, что считать правильным. Если бы нам это было известно, мы бы не нуждались в демократическом правительстве <...>. На высококонкурентном рынке, где ежеминутно совершается бесконечное число сделок, забота об интересах других людей может обернуться помехой» [10, с. 227–228]. Озабоченность складывающейся ситуацией выражает и другой популярный мыслитель и финансовый практик Н. Талеб: «Видимо, самая большая сложность в моих отношениях с современной цивилизацией – увеличивающийся в ней разрыв между нравственным и законным. Бывший министр финансов США Роберт Рубин, финаферист и, возможно, самый крупный вор в истории человечества, не нарушал никаких законов. В сложной системе разница между законным и нравственным постепенно растет... А потом взрывает систему» [11, с. 192]. Еще раньше американцев Сороса и Талеба ситуативный тип поведения как залог успешности отмечал отечественный писатель-эмигрант С. Довлатов, говоря об энергичных деловых людях с «высоким коэффициентом моральной неразборчивости» [5].

Если говорить о перспективах цивилизации, для которой характерен СТП, то, оставляя на потом мрачные предчувствия Н. Н. Талеба, нельзя не прислушаться к еще одному суждению Дж. Сороса: «...на рынке, основанном на сделках, в отличие от рынка, основанного на отношениях, мораль может стать обузой. В условиях высококонкурентной среды люди, озабоченные проблемами отношений с другими людьми, преуспевают меньше тех, кто не отягощен моральными соображениями. Таким образом социальные ценности претерпевают то, что можно было бы назвать процессом нежелательного естественного отбора. Беспринципные люди оказываются в выигрыше. Таков один из наиболее тревожных аспектов мировой капиталистической системы» [10, с. 217–218].

Сходные наблюдения делает и известный социолог З. Бауман в своей работе «Текучая современность»: «...правят те люди, которые умеют сохранять свои действия не связанными обязательствами, свободными от норм и поэтому непредсказуемыми при нормативном регулировании <...> действий их главных протагонистов. Люди, чьи руки развязаны, правят людьми со связанными руками; свобода первых – главная причина несвободы вторых, тогда как несвобода вторых – основной смысл свободы первых» [2, с. 130].

Более того, еще в начале XVIII в. Б. Мандевиль твердо высказывался о тех качествах человека, которые делают его социально

успешным: «...то, что делает человека общественным животным, заключается не в его общительности, не в добродушии, сострадательности, приветливости, не в других приятных и привлекательных свойствах; самыми необходимыми качествами, делающими человека приспособленным к жизни в самых больших и, по мнению всего света, самых счастливых, самых процветающих обществах, являются его низменные и наиболее отвратительные свойства» [8, с. 5].

Таким образом, с высокой степенью вероятности, можно предположить, что ситуативный тип поведения в режиме «нежелательного естественного отбора» будет наделять признаками успешности, избранности и элитарности максимально имморальных действующих лиц. Именно такие акторы в режиме агона, конкуренции, действительно обладают весомыми оперативными преимуществами. Мораль по своей природе есть ограничение, запрет, табу определенных «единиц действия». Имморальный актор, при необходимости пользующийся дивидендами морального поступка, легко дополняет их в конкурентной ситуации возможностями аморальных действий. Безусловно, что по закону больших чисел в конкурентной борьбе большого количества людей победа гораздо чаще будет оказываться на стороне тех, кто обладает в каждый момент большим репертуаром возможностей (в немалой степени потому, что может пренебречь моралью).

Прогрессирующий имморализм в свою очередь все больше будет замыкать действующую личность на себя, ужесточая режим ее самоизоляции. Здесь уместно вспомнить слова Э. Чорана: «На какие только жертвы я бы ни пошел, чтобы только освободиться от этого жалкого «я», которое в это самое мгновение занимает во вселенной такое место, о котором ни один бог не смел и мечтать!» [15, с. 123]. Но еще в большей степени продуктивно для рассматриваемой темы размышление известного английского историка Р. Дж. Коллингвуда о ситуативном типе поведения: «...для человека, планирующего совершить какой-нибудь поступок, самое важное — продумать ситуацию, в которой он находится. По отношению к этой ситуации он отнюдь не свободен. <...> Для человека, собирающегося действовать, ситуация оказывается господином, оракулом, богом. <...> А если он не посчитается с нею, то ситуация посчитается с ним. Она не из тех богов, которые оставляют оскорбление безнаказанным» [6, с. 302–303]. Ирония истории заключается в том, что путь безрелигиозной цивилизации к освобождению человеческой личности привел ее к принципальной несвободе, напоминающей по своему стилистическому исполнению изощренно пародийные наказания грешников в Аиде.

1. Provine W.B. Scientists, Face it!: Science and Religion are Incompatible // The Scientist. – 1988. – September 5.
2. Бауман З. Текучая современность [Текст] / З. Бауман. СПб., 2008.
3. Бурдье П. Практический смысл. М.; СПб., 2001.
4. Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1989.
5. Довлатов С. Письма Сергея Довлатова Тамаре Зибуновой из США [Электронный ресурс] / С. Довлатов. URL: http://www.sdelanounih.ru/dovlatov_from_us/ (дата обращения: 20.08.2012).
6. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории// Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
7. Макивелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М.,1997.
8. Мандевиль Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества. М., 2000.
9. Руссо К. Монархия и гражданственность / Regnum aeternum. М., 1996.
10. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.
11. Талеб Н.Н. Прокрустово ложе. Философские и житейские афоризмы [Текст] // Талеб Н.Н. О секретах устойчивости; Прокрустово ложе. М., 2012.
12. Уваров П.Б. Коммуникативный формат как матрица исторического процесса [Текст] / П.Б. Уваров //Традиционные общества: неизвестное прошлое. Челябинск, 2008.
13. Уваров П.Б. «Дедуктивная археология» как принцип исторического познания: сущность и когнитивные возможности реконструкции прошлого [Текст] / П.Б. Уваров // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – № 3.
14. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М.,1992.
15. Чоран Э.М. Признания и проклятия: Философская эссеистика [Текст] / Э.М. Чоран. СПб., 2004.